

ФИЛОСОФСКИЕ ПОРТРЕТЫ

С.Н. Корсаков

Борис Григорьевич Столпнер (по архивным материалам)

Корсаков Сергей Николаевич – доктор философских наук, доцент, ведущий научный сотрудник. Институт философии РАН. Российская Федерация, 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1; e-mail: snkorsakov@yandex.ru

Б.Г. Столпнер перевел на русский язык большую часть сочинений Гегеля. Переводы его вновь и вновь переиздаются. Он актуален сегодня как философский писатель. Но его жизнь и работы до сих пор мало исследованы. Благодаря работе в нескольких архивах удалось собрать «мозаику», которая позволяет более детально, чем было ранее, проследить жизненный путь, облик и воззрения Б.Г. Столпнера. В статье на основе архивных документов рассказывается о его жизни и сочинениях, освещается его сотрудничество с русскими махистами, его работа после революции в Институте философии, содержание его выступлений на различных философских обсуждениях. В приложении впервые публикуется автобиография Б.Г. Столпнера. Можно надеяться, что данная работа позволит точнее определить место Б.Г. Столпнера в философском процессе в России.

Ключевые слова: Б.Г. Столпнер, махизм, Г.В.Ф. Гегель, советская философия, Институт философии

В справочных и историко-философских изданиях Борису Григорьевичу Столпнеру уделяют обычно не больше абзаца. Между тем, личность его заслуживает внимания и интереса, поскольку именно ему мы обязаны современным переводом на русский язык почти всего корпуса сочинений Гегеля: Малой Логики, Философии природы, Науки Логики, Истории философии, Философии права и части Эстетики. Современность переводов Столпнера засвидетельствована тем, что его тексты после соответствующих сверок были вновь переизданы и в серии «Философское наследие», и совсем недавно – в серии «Слово о сущем». Несколько поколений русских философов знакомятся с миром идей Гегеля через слово Столпнера. Уже в силу этого такой человек заслуживает более заинтересованного внимания. Беда в том, что биография его практически не изучена. Предлагаем читателю некоторые результаты архивных и библиографических изысканий. В приложении публикуется обнаруженная в архиве автобиография Столпнера, написанная им за два года до смерти. Поэтому в настоящей заметке мы коснемся только тех сюжетов, которые не освещены в этой автобиографии.

Борух-Бенцион Гиршевич Столпнер родился в декабре 1871 г. в Гомеле в мещанской семье. Отец Столпнера был мелким лавочником [Архив РАН. Ф. 358. Оп. 3. Д. 29. Л. 41–43]. Самоучкой Столпнер освоил русский, немецкий, французский, английский, итальянский языки. С 1898 г. участвовал в революционном движении.

4 октября 1899 г. в Гомеле был арестован за связь с известным эсером-террористом П.В. Карповичем «и целым рядом лиц, известных своей неблагонадёжностью» [Архив РАН. Ф. 425. Оп. 2. Д. 221. Л. 9]. Эсером Столпнер не был, его пришлось выпустить и в декабре 1899 г. он уехал в Берлин. В ноябре 1900 г. вернулся и поселился в Полтаве, «вращаясь в кругу неблагонадёжных в политическом отношении лиц» [Там же]. После убийства Карповичем министра народного просвещения Боголепова Столпнер был 23 февраля 1901 г. арестован и доставлен в Петербург. 9 апреля 1901 г. он был выпущен за полной непричастностью к убийству и отдан под особый надзор полиции в Полтаве. В 1903 г. Столпнер был освобожден от надзора с запрещением проживать в четырех важнейших губерниях. Он переехал в Одессу, вступил в РСДРП и примкнул к меньшевикам. Одесское губернское жандармское управление особо отметило, что в сентябре 1903 г. Столпнер выступал на митинге в Одессе против готовящегося еврейского погрома: как интеллигентно написали жандармы, «перед моментом насилий над евреями, сопровождавшихся разграблениями их имуществ» [Там же]. Столпнер выступал от имени Одесской социал-демократической группы и требовал созыва Государственной Думы. В 1903 г. уехал за границу для пополнения своего образования. Жил в Берлине, затем был выслан в Женеву. В 1905 г. вернулся в Россию. В январе 1906 г. был арестован. При обыске у него обнаружили проект положения о созыве Учредительного собрания, резолюцию II Всероссийской конференции меньшевиков и девять брошюр социал-демократического содержания. После отбытия трехмесячного заключения Столпнер переехал в Петербург. В 1907 г. он ездил в Лондон на съезд РСДРП как делегат от меньшевиков. Побывал в Германии, Франции, Бельгии.

В 1909 г. Столпнер отошел от политической деятельности и переключился на литературную работу в области философии, преимущественно в роли переводчика. Им переведены книги Гёффдинга, Гомперца, Кассирера, Рихтера [Гёффдинг, 1910; Гомперц, 1912; Кассирер, 1912; Рихтер, 1910]. Как автор выступал редко, в основном с рецензиями [Столпнер, 1917].

В предреволюционные годы Столпнер посещал заседания Санкт-Петербургского религиозно-философского общества и иногда выступал на них. Взаимоотношения Столпнера с тогдашней философской средой рассмотрены в статье Л. Кациса [Кацис, 1999]. Нас его выступления в Религиозно-философском обществе интересуют по той причине, что Столпнер много переводил и мало писал сам. Они интересны для выявления особенностей его философской позиции. Конечно, с рациональной точки зрения ему не стоило ходить на эти заседания вовсе. Но видно, так устроен философ, что неполна его жизнь без участия в философских дискуссиях, хотя бы и с теми, с кем нет точек соприкосновения.

Выбора же у Столпнера не было, поскольку, будь это общество просто Философским, оно было бы закрыто полицией в тот же день, как начало свои заседания. Психологическое, затем Религиозно-философское общества допускались в России, поскольку не выходили за рамки официальной идеологии. Более того, выходом за эти рамки здесь считалось «новое религиозное сознание» Соловьёва и Трубецкого. «Научной» философии места здесь не было заведомо.

В этой связи показательна судьба В.Н. Ивановского. Он служил в редакции «Вопросов философии и психологии» и в Московском психологическом обществе, преподавал в Московском университете. Ни в каких партиях не состоял. Занимался «научной» философией, вопросами психологии, логики и теории познания, хотя и сдержанно относился к «спиритуалистическому религиозному блудословию» [Ивановский, 2011, с. 146], а во время своего пребывания в Париже читал лекции по философии в Вольной русской школе. В итоге на основании ордера Департамента полиции от 12 ноября 1902 г. Ивановский был подвергнут секретному наблюдению [Архив РАН. Ф. 647. Оп. 1. Д. 345. Л. 14]. Сам Ивановский об этом не знал. Ну а уж когда он публично осудил «кровавое воскресенье» и высказался за демократиза-

цию страны, Министерство народного просвещения официально занесло его в списки «штрафников». При выборах на должность профессора философии Казанского университета, куда подал заявление Ивановский, министр выборов не допустил, а на должность назначил своим приказом приемлемую для полицейского государства кандидатуру. В выборах на должность профессора Ивановский смог принять участие только после свержения царизма.

Вернемся к Столпнеру. 15 октября 1907 г. он выступил в Религиозно-философском обществе в прениях по докладам С.А. Аскольдова и В.В. Розанова о «новом религиозном сознании». Общая тональность выступлений определялась критикой адептов религиозно-философских поисков «справа». Религиозно-философская общественность призывала последователей Соловьёва и Трубецкого «быть ближе к нам, к православию» [Записки, 1908б, с. 15]. «Мы попали в капкан материализма», говорили участники встречи, «но теперь тоска по Боге стала сильнее чувствоваться», а дорога церковного спасения «всегда открыта» [Записки, 1908а, с. 48]. Б.Г. Столпнер чувствовал неуместность своего выступления в этой атмосфере и предварительно извинился за то, что он не христианин по происхождению и неверующий по взглядам. Однако он высказал то суждение, что от дела Христа уже тогда ничего не осталось, когда зародилась церковь с ее стремлением к власти. На смену непосредственного общения верующих с богом пришло церковное лицемерие. «Новое религиозное сознание», по Столпнеру, открыли не Соловьёв с Трубецким, а сам Христос.

В 1908 г. Столпнер выступал на трех заседаниях Религиозно-философского общества: по докладу Д.С. Мережковского «О церкви грядущего», по докладу В.В. Розанова «Об Иисусе Сладчайшем и горьких плодах мира» и по докладу Н.А. Бердяева «Христос и Мир».

Выступая в прениях по докладу Мережковского, Столпнер возразил докладчику, что религии по самой своей природе противоречит не индуктивная наука, а философия, только не догматическая, а критическая. Он привел многие примеры совместности религиозных идей и научных воззрений в сознании ученых, и, напротив, сдержанного отношения к религии даже у тех философов, кто, как Кант, стремился примирить философию и религию. Второй вопрос, которого коснулся Столпнер, – воскресение. Воскресение Христа во плоти неудивительно, ибо он изъят из закона рождения. Но что применимо к богочеловеку, не может распространяться на обычных людей. Столпнер иронически отнесся к самой манере докладчика обосновывать необходимость религии. Для догматической метафизики существование Бога было не менее доказуемо, чем геометрическая теорема. Мережковский же прибегает к субъективно-психологическому доказательству, апеллируя к индивидуальному стремлению к вечной жизни во плоти. Столпнеру возражал известный представитель религиозно-диалогического персонализма А.А. Мейер. По Мейеру, откровение не противоречит самостоятельному исканию человеком истины, поскольку в основе такого искания лежит мистическое общение с сущим, а, стало быть, и диалог со сверхличным бытием. Правда, Мейер признал, что рационалистическая философия в подобное понимание процесса познания не вписывается. Председатель собрания не стал вдаваться в эти изыски, а просто поставил Столпнера на место: «По характеру наших занятий здесь мы не можем так много считаться с мирозерцанием неверующей публики» [Записки, 1908б, с. 17].

Интересным получился расклад в полемике по поводу доклада Розанова. Большая часть присутствовавших, главным образом священнослужители, подвергла доклад критике. Защитником же Розанова оказался Столпнер. Он поддержал мысль докладчика, что историческое христианство с самого начала и во всю свою историю не было нацелено на исправление мира. При этом Столпнер пояснил, что он остается горячим противником Розанова, поскольку тот клонит к тому, чтобы «убить в нас героя». Столпнеру вновь пришлось выдержать возмущенную полемику со стороны председателя и большей части собравшихся.

После доклада Бердяева атмосфера на заседании Религиозно-философского общества стала еще более нетерпимой к иным позициям. Один из выступавших возмущился словами Столпнера, что вера в воскресение мертвых свойственна многим религиям, в частности иудаизму. «Радость воскресения» доступна только православию, говорилось с трибуны, а высказывания Столпнера названы были коварной насмешкой или же «непростительным непониманием целей, создавших наше Общество» [Там же, с. 68]. Столпнер высказался в своем выступлении против записывания всех достижений европейской культуры в актив христианской церкви. История свидетельствует, напротив, что христианство «процвело на почве упадка наук и искусств в греко-римском мире» [Там же, с. 72]. Подводя итог заседанию, председатель С.А. Аскольдов вовсе позабыл о том, что собирались его участники для обсуждения доклада Бердяева. Он посвятил заключительное слово Столпнеру, применив в качестве аргумента классический теодицейский софизм с двухтысячелетней историей: об извечной виновности человека в собственном несовершенстве. Мол, если есть какие-то претензии к христианской религии и церкви, то источник их «не падение христианства как идейного первоисточника, как божественного духа, божественной идеи, но человеческое несовершенство, падение того человечества, которое надевало на себя маску христианства, которое не полно воспринимало христианство. Г. Столпнер говорит, что христианство должно было бы преобразить человечество, очистить его грехи. Но к кому же, в конце концов, должно быть обращено это “должно” – к христианству или к человечеству?» [Там же, с. 74].

После революции, в начале 1920-х гг. имела место недолгая академическая карьера Столпнера. С апреля 1920 г. он состоял профессором философии историко-филологического факультета Харьковского университета. В 1922 г. под его редакцией был напечатан перевод с немецкого языка «Очерков по истории материализма» Плеханова. В предисловии к изданию Столпнер присоединился к критике теории иероглифов Плеханова, данной Лениным [Столпнер, 1922]. Он не согласился также с недооценкой Плехановым закона отрицания отрицания. В целом же, можно констатировать, что Столпнер, несмотря на тесные контакты с В. Базаровым и П. Юшкевичем, примыкает к гегельянской ветви русского марксизма, представленной Плехановым, Лениным и Дебориным. Он выступал против инкорпорирования в марксистское учение кантовской или же позитивистской составляющих, что было популярным среди русских марксистов-махистов. Столпнер полностью присоединяется к высокой оценке диалектики – логики движения. Сложные предметы могут быть постигнуты только через принцип сочетания противоположностей, а к самому процессу перехода из одного состояния в другое законы формальной логики неприменимы. Работа Столпнера вполне находится на уровне мысли своего времени. Он не может еще применить социокультурный подход для объяснения механизма влияния социально-экономических процессов на духовное развитие общества и пользуется популярным тогда приемом многоступенчатого опосредования через различные «надстройки». В.А. Тер-Ваганян, бывший большим поклонником Плеханова, раскритиковал в своей рецензии предисловие Столпнера, несправедливо объявив его сторонником линии Богданова, Базарова и других русских махистов [Тер-Ваганян, 1923].

В свете сказанного, вполне закономерным стало продолжение жизненного пути Б.Г. Столпнера. Переехав в Москву, Столпнер по договоренности с А.М. Дебориным занялся переводом на русский язык сочинений Гегеля. В январе 1923 г. он был зачислен на работу в Институт Маркса и Энгельса, где Деборин заведовал кабинетом философии и был заместителем директора. Директор Д.Б. Рязанов стремился максимально обеспечить сотрудников всей необходимой зарубежной литературой. В 1929 г. вышел первый том «Сочинений» Гегеля. Деборин написал к нему предисловие. Вскоре, однако, работа затормозилась. В 1930 г. ИМЭ начало лихорадить по политическим причинам. Рязанов был арестован, Деборин – уволен. В сентябре 1930 г. Столпнер вышел на пенсию.

В середине 1920-х гг. Столпнер и Юшкевич выпустили несколько хрестоматий по истории философии [Искусство и литература, 1924–1927; История материализма, 1927; История философии, 1924; История философии, 1925]. В тот период временно возобладала идущая еще от Богданова пролеткультовская линия на устранение философии из высшей школы. Поэтому хрестоматии Столпнера и Юшкевича заполняли важный культурный пробел. Они стали мостиком к фундаментальной разработке историко-философских проблем в дебординской школе. Антологии Столпнера и Юшкевича были с одобрением встречены коллегами [Баммель, 1925; Горев, 1924; Горев, 1927; Рец. на кн.: История философии в марксистском освещении, 1927; Фёдоров-Давыдов, 1925]. Журнал «Под знаменем марксизма», выражавший позиции деборинцев, положительно отзывался об этих хрестоматиях [Луппол, 1924а; Луппол, 1924б; Луппол, 1926]. В частности, И.К. Луппол писал, что они имеют ценность в качестве систематического сборника отрывков по истории философии, и «будут полезны в настоящий момент, когда философия тщательно изгоняется из учебных классов высших учебных заведений, до тех пор, пока не будут созданы собственно истории философии» [Луппол, 1924а, с. 268]. Существенно то, что наряду с отрывками из произведений, ранее выходявших на русском языке, в хрестоматиях печатались и впервые переведенные составителями отрывки, иногда занимавшие значительный объем. В любом случае, хрестоматии эти могли служить ценным пособием для самообразования.

Во второй половине 1920-х гг. Столпнер посещал дискуссии, проводившиеся в Институте философии Комакадемии, и время от времени выступал на них. Выступал дельно.

Выступая в 1925 г. на дискуссии о фрейдизме, он вначале поиронизировал: «...мне всё казалось во время дискуссии, что я нахожусь на докладе не в Коммунистической академии, а в кружке фрейдистов» [Столпнер, 1925, с. 257]. Фрейдизм в те годы был популярен в Советском Союзе. По поводу «большого» вопроса, «противоречит» ли фрейдизм марксизму или нет, Столпнер разумно заметил: бывает, что две научно обоснованные теории противоречат друг другу. Поэтому никак нельзя отбрасывать одну теорию в пользу другой, руководствуясь при этом привходящими соображениями. Вопрос в другом: можно ли, не профанируя, переносить выводы фрейдизма из сферы психиатрии в другие области познания, например, в литературоведение? «К несерьезным вещам следует относиться несерьезно», – заключил Столпнер [Там же, с. 259].

В 1925 г. Столпнер также выступил на обсуждении доклада А.И. Рубина «Диалектика у Декарта и Спинозы» [Архив РАН. Ф. 355. Оп. 1. Д. 45. Л. 172-об.-173]. Столпнер не согласился с трактовкой докладчиком Спинозы как диалектика: наличие противоречивых предикатов в сочинениях мыслителя не означает еще наличия диалектики. Он также посчитал, что докладчик преувеличил значение геометрического метода в философии Спинозы. Для Спинозы, по мнению Столпнера, геометрический метод – метод изложения, а не исследования. Применяя этот метод, Спиноза хотел доказать, что к исследуемым вопросам относится беспристрастно и непредубежденно. Что Спиноза не ставил высоко математического способа познания, продолжал Столпнер, видно хотя бы из того, что философ относил его ко второму разряду познания. Столпнер считал, что преобладающее значение в философии Спинозы имеет интуиция. Спиноза не диалектик и не материалист. А.И. Рубин отверг возражения Столпнера о том, что Спиноза не диалектик, сказав, что момент совпадения субъективного и объективного в философии Спинозы говорит о ее диалектичности. А.М. Деборин, который вел заседание, стоял на точке зрения Плеханова, что «марксизм – род спинозизма». Деборин заявил, что Столпнер неправ в отрицании материализма Спинозы: Спиноза это механист, в системе которого есть диалектические моменты.

В 1929 г. Столпнер выступил в прениях по докладу М.А. Дынника о материализме и диалектике в философии милетской школы [Архив РАН. Ф. 355. Оп. 2. Д. 73]. Он усмотрел в трактовке Дынника предвзятость: докладчик хочет найти диалектику

и материализм у милетцев и находит их. При этом приходится обходить высказывания древних греков, которые не укладываются в современную схему. По мнению Столпнера, Дынник отождествил гилозоизм милетцев с материализмом, а диалектику обнаружил у них с помощью произвольно выбранных цитат. Между тем, гилозоизм ближе к мистицизму, чем к материализму. Произошла жесткая полемика с докладчиком. Дынник с возмущением отмел обвинения в тенденциозности, а, стало быть – в научной недобросовестности. Как бы то ни было, за этим спором стояла реальная проблема, не решенная и сегодня: о степени адекватности интерпретации ментальности, отстоящей от нас во времени.

В ноябре 1932 г. Б.Г. Столпнер был зачислен в Институт философии старшим научным сотрудником [Архив РАН. Ф. 350. Оп. 3. Д. 171]. Новый руководитель Института философии Митин сам не был силен в философии. Он пришел в Институт, изгнав из него крупнейших специалистов, в том числе таких историков философии, как Деборин и Луппол. Но чем-то надо и отчитываться. Митин всячески опасался иметь дело с философами, обвиненными в принадлежности к какому-нибудь партийному «уклону». Но он с готовностью брал в штат, а еще чаще – заключал срочный договор с людьми, которые пользовались репутацией беспартийных специалистов. В этом была даже определенная выгода: «буржуазный специалист» работает, Митин осуществляет партийный контроль. Каждый при своем деле. В этом отношении заведомо далекие от партийной политики лица были куда предпочтительнее недострелянных оппозиционеров. Во второй половине 1930-х гг. с Институтом философии в разных формах сотрудничали В.Н. Ивановский, А.В. Кубицкий, П.С. Юшкевич. В эту категорию попал и Столпнер. Кроме того, Митин еще помнил, как совсем недавно он, слушатель семинара Деборина, провел немало бессонных ночей, пытаясь что-нибудь понять в Канте и Гегеле, но безуспешно [Архив РАН. Ф. 1992. Оп. 1. Д. 83. Л. 12].

Институт поддержал работу Столпнера над переводом сочинений Гегеля. Венцом этой работы стало издание «Науки логики» в новом переводе Столпнера. Вопрос был непростой. Вначале Столпнер попытался пойти по пути сверки и редактирования перевода Дебольского, но пришел к выводу о бесперспективности подобного пути. Не было бы счастья, да несчастье помогло: при передаче из Партиздата в Соцэргиз рукопись пропала. Тогда Столпнер для пробы перевел несколько страниц сам, сравнил с переводом Дебольского и выяснил, что удалось устранить большое количество ошибок перевода. Он решил делать новый перевод.

Свои соображения Столпнер изложил в докладе на совещании в Институте философии 11 февраля 1934 г. Он назвал перевод Дебольского «деревянным». Речь шла не о стиле, никто не ожидает от гегелевского текста легкости. Недостаточное знание Дебольским немецкого языка и его недостаточная внимательность как переводчика привели к тому, что смысловые оттенки текста исчезали при переводе, а немецкий термин переводился всякий раз одним и тем же русским без учета смысловых изменений. Бдительные партийцы-философы поинтересовались, не кроется ли причина низкого качества перевода Дебольского в его неправильной философской позиции. «Зачем искать идеализм там, где есть просто ошибки от незнания», – отвечал Столпнер [Архив РАН. Ф. 355. Оп. 2. Д. 280. Л. 17]. Вместе с тем, этот философ-самоучка высказал давно наболевшую мысль: мы продолжаем смотреть снизу вверх на дореволюционных патентованных философов, между тем как средний советский марксист знает Гегеля лучше них. Воспоминания и наблюдения Столпнера весьма любопытны: «Я в этом котле варился, был членом Философского общества и, когда возражал Ильину, говорил: у Гегеля то-то и то-то. Введенский говорил обыкновенно: в чём дело, что говорил Столпнер... Введенский всю свою жизнь над Кантом работал и до известной степени его знал. Но Гегеля он не знал. Вот почему вышла плохо «Феноменология духа»? Да потому что Радлов, умница как человек, с большими знаниями, но когда он взялся за это, он раздал его своим слушательницам, сам не читал, а если и читал, то ничего не вышло, потому что он не знал Гегеля. В чём дело у Дебольского? Почему они дали

Дебольскому? Они дали Дебольскому потому, что Дебольский считался знатоком Гегеля, среди всех незнающих, среди всех слепых, тогда и кривой тоже оказался зрячим. Но нужно было, чтобы его проверили... А если переводил Дебольский, то разве кто-нибудь читал, кто-нибудь проверял, если Радлов переводил? Здесь раньше такие заседания не устраивали. Их не было никогда» [Архив РАН. Ф. 355. Оп. 2. Д. 280. Л. 17].

В рецензиях на новый перевод «Науки логики» отмечалось, что переводчику удалось решить непростую задачу: одно и то же слово употребляется Гегелем в различных значениях [Брушлинский, 1937]. Текучесть значений отражает существо гегелевской философской позиции. В предыдущем русском переводе эти нюансы не учитывались. Заслугу переводчика нашли и в критическом подходе к немецким изданиям «Науки логики» [Брушлинский, 1938]. Столпнер делал свой перевод не по одному из них, а работал сразу со всеми, особое внимание уделяя первому прижизненному изданию.

В Институте философии Столпнер выступал нечасто, но всегда отстаивал позиции научности, а не партийности. На это мало кто был способен. По манере мышления Столпнер абсолютно современен. В 1934 г. в ходе обсуждения в Институте философии доклада П. Белинского о пространстве и времени Столпнер высказал очень верное и болезненное для советской философии положение, что следует различать научное значение деятельности ученого и его философские воззрения. Речь зашла об Эйнштейне. Махизм может быть в философских выражениях Эйнштейна, но в его теории я не вижу махизма, – прямо заявил Столпнер. Разоблачители Эйнштейна не сводят концы с концами: в махизме главное – анализ ощущений, а в теории относительности физика выходит за рамки наглядности, за пределы аналогий с макрообъектами – к реальности, которая может быть выражена лишь математически. Известный сталинист Тодор Павлов, который жил и работал тогда в Москве, не смог перенести такого поругания партийности и кинулся в бой. Он заявил, что раз системы отсчета абсолютно равноценны, в теории относительности не может быть объективного понимания пространства. Столпнер принял в ответ свойственный ему иронический тон, сказав, что не понимает, зачем Павлову надо записывать естественников в идеалисты. Спорить же с тем, кто допускает элементарные ошибки, затруднительно. Нельзя утверждать, что Эйнштейн прав в отношении физики, а в отношении философии – не прав. В этом случае Павлов сам окажется на позициях Маха, будет отрывать науку от философии. Теория относительности дает нам многомерное, искривлённое пространство. Общая теория относительности нацелена как раз на достижение наибольшей объективности. Заявить, что, мол, все это – «поповщина», значит вести дискуссию на уровне школьника.

Но темперамент Тодора Павлова не так-то легко было унять. «Значит, Вы отрицаете идеалистические корни общей теории относительности!» – воскликнул он. Столпнер отвечал в свойственном ему духе.

Столпнер: Не надо опускаться на детский уровень обсуждения. В научном отношении общая теория относительности сейчас наиболее истинна, хотя, как и всякая научная теория, она может быть в будущем опровергнута.

Павлов: В механицизме Ньютона тоже были корни агностицизма, хотя теория была правильной.

Столпнер: Если все дороги ведут к идеализму, тогда картина мира так упрощена, что нечего говорить.

Павлов: Мы не можем утверждать, что теория Эйнштейна целиком верна и что мы на ней можем построить новую философскую концепцию без идеалистических гносеологических корней.

Столпнер: Теория Эйнштейна вполне может содержать различные заблуждения. Но если она в целом верна в научном отношении, от нее нельзя отмахиваться, сославшись на то, что, мол, в философии всё иначе.

Павлов: Некоторые стороны этой теории несут в себе возможность скатывания к идеализму.

Столпнер: Нельзя на противоречия философской системы с новыми фактами отвечать цитатами из Ленина [Архив РАН. Ф. 355. Оп. 2. Д. 244].

В 1934 г. из печати вышла «Философия права» Гегеля в переводе Столлнера. В 1935 г. в Институте философии состоялось заседание, посвященное этому произведению Гегеля. Доклад, как водится, делал не переводчик Столлнер и не какой-нибудь специалист по философии права, а многократно проверенный в деле подручный Митина М.Д. Каммари. Он привычно политизировал вопрос и нашел в книге Гегеля о праве истоки нацистской идеологии. Столлнер сказал докладчику: «Я близорук физически: когда я вижу человека знакомого, но одетого немного не так, как обычно, я его не узнаю. Вы близоруки умственно: когда вам говорят: подставьте другое слово, вы уже не узнаете, что речь идёт о том, чтобы перевернуть Гегеля, поставить его на ноги. Важно видеть, где подлинный Гегель, а где нацистская фальсификация его идей» [Архив РАН. Ф. 355. Оп. 2. Д. 320].

Проделанная Столлнером титаническая работа по переводу сочинений Гегеля получила справедливую оценку. В 1934 г. в СССР были введены ученые степени. Столлнер подал соответствующее заявление [Архив РАН. Ф. 355. Оп. 3. Д. 25. Л. 54]. 19 мая 1935 г. квалификационная комиссия Института философии, учитывая большую и высококвалифицированную работу Столлнера по переводам трудов Гегеля, поставила перед аттестационной комиссией Комкадемии вопрос о присуждении ему ученой степени доктора философских наук [Архив РАН. Ф. 355. Оп. 1а. Д. 160. Л. 11]. Комиссия подготовила отзыв о работе Столлнера, в котором говорилось: «В Институте философии Коммунистической академии работает в качестве переводчика произведений Гегеля. Переводы тов. Столлнера отличаются большими научными достоинствами: глубокое знание немецкого языка (а также других языков), редкое знание произведений Гегеля, богатая философская эрудиция, умение найти выражения для передачи исключительно трудного языка Гегеля, большая добросовестность в работе. Тов. Столлнер никогда не обходит особенно трудных мест текста, как это делают многие другие переводчики, и всегда добивается точной передачи мысли Гегеля. Всё это делает т. Столлнера выдающимся, высококвалифицированным переводчиком Гегеля и вообще, научного перевода. Работа т. Столлнера протекает почти исключительно у него на дому. Поэтому он не участвует в повседневной общественной жизни Института. Но он всегда живо откликается на те кампании, которые проводит наша общественность (подписка на заём, на постройку самолетов-гигантов и т. п.). Тов. Столлнер принимает также участие в обсуждении научных докладов, проводимых на заседаниях Института философии» [Архив РАН. Ф. 425. Оп. 2. Д. 221. Л. 12].

Интересно, как протекало обсуждение вопроса о Столлнере на заседании аттестационной комиссии.

Митин: Со Столлнером так. Непосредственно печатных работ нет. Но у него есть такая вещь, которая ставит вопрос о нем с точки зрения научной – он почти всего Гегеля перевел. Это такая гигантская работа, научного типа работа, что она может идти в сравнение со всеми другими работами, и с этой точки зрения вопрос о его кандидатуре не может вызывать никаких сомнений. Вызывает же для нашей комиссии сомнение вопрос другого порядка – политического: надо ли нам в Коммунистической академии такого типа работникам давать степень доктора, или же он должен проходить через Академию наук?

Пашуканис: Почему за перевод давать докторскую степень?

Митин: Смотри какого типа перевод. Если иметь в виду, что представляет собой перевод Гегеля – это очень серьезно, это, несомненно, работа, которая может быть зачтена как научная работа высшей марки.

Кубанин: Как у него с политическим мировоззрением?

Митин: Он пассивен. Он знает свое дело. С точки зрения научной для меня нет никаких сомнений.

Пашуканис: Присвоить т. Столлнеру за перевод работ Гегеля ученую степень доктора философских наук без защиты диссертации [Архив РАН. Ф. 425. Оп. 1. Д. 5. Л. 35-об.].

19 августа 1935 г. Президиум аттестационной комиссии при Комакадемии постановил присудить Столпнеру ученую степень доктора философских наук «за перевод работ Гегеля» [Архив РАН. Ф. 425. Оп. 1. Д. 19. Л. 8-об.]. 8 сентября 1935 г. решение было утверждено Президиумом Комакадемии [Архив РАН. Ф. 425. Оп. 1. Д. 1. Л. 13-об.].

Сохранились живые зарисовки Столпнера последних лет его жизни, сделанные пером дочери Л.С. Выготского Г.Л. Выготской: «Очень нравилось нам, детям, когда к отцу приходил Б.Г. Столпнер. Был он очень близорук и, несмотря на толстые стекла очков, видел очень скверно. Был ли он к тому же рассеян, судить не берусь. Но по той или другой причине (а может быть, и из-за обеих причин вместе) с ним случались в доме смешные, с нашей точки зрения, истории. Так, помню, собираясь домой, он тщетно старался натянуть на свои огромные растоптанные ботинки маленькие женские галоши на высоком каблуке, да еще стоящие задом наперед. Мы получили массу удовольствия и еле сдерживались, чтобы не захохотать в голос. Папа страдальчески (да, да, именно так) посмотрел на нас, и мы присмирели. Потом, с обычной своей деликатностью, он сказал: “Борис Григорьевич! Мне кажется, это не Ваши галоши”, на что Столпнер ответил: “Нет, Лев Семенович, я хорошо знаю свои галоши”. Отец пытался очень тактично добавить, что ему кажется, что это женские галоши, но Столпнер продолжал терзать их, пока не убедился окончательно в негодности попытки надеть их. В другой раз он спутал дверь в туалет и ломился в запертый бельевой шкаф. Стоявший рядом отец робко говорил ему: “Мне кажется, Борис Григорьевич, Вы не ту дверь открываете”, на что Столпнер ответил: “Нет, Лев Семенович, я отлично знаю Вашу дверь”. Папа предусмотрительно посмотрел на нас, и мы сдержались. После ухода Столпнера папа позвал нас. Он был очень огорчен. Он сказал нам, как это неблагородно и жестоко смеяться над чужими недостатками... Очень запомнилось лето 1933 г., последнее лето с отцом. В это лето мы жили неподалеку от Москвы, на станции Тайнинская (Ярославской ж/д). Дача, которую снимала семья, стояла в глубине большого участка. Довольно часто приезжал из Москвы Столпнер. В то лето его обычно сопровождала Г.Л. Розенгард-Пупко. Когда они вечером уезжали, папа шел их провожать. Но так как дорога освещалась плохо, а Столпнер в темноте почти не видел, все это происходило следующим образом. Бориса Григорьевича ставили около какого-нибудь забора или дерева, а папа с Гитой Львовной шли разведывать кусок пути. Затем они возвращались за Борисом Григорьевичем, вели его по уже обследованному отрезку пути, снова оставляли и снова шли вперед, изучая все ямы и бугры, а затем снова возвращались за поджидавшим их Столпнером. Все это длилось чрезвычайно долго, и у меня не хватало терпения дожидаться, когда же, наконец, придем на станцию. Я несколько раз участвовала в этих проходах, главным образом для того, чтобы обратно, от станции, идти вдвоем с отцом» [Выготская, Лифанова, 1996, с. 305, 308].

28 августа 1937 г. Борис Григорьевич Столпнер скончался в Москве. В некрологе, опубликованном от имени Института философии АН СССР, были отмечены его огромный переводческий опыт, богатая философская эрудиция, исключительная добросовестность, то, что он «всегда добивался понимания философского смысла переводимого текста» [Б.Г. Столпнер, 1937, с. 208]. Похороны состоялись 31 августа на Дорогомиловском кладбище. Расходы по похоронам были приняты на счет Института философии АН СССР [Архив РАН. Ф. 355. Оп. 3. Д. 39. Л. 37].

Приложение

Б.Г. Столпнер

Автобиография¹

Я родился в 1872 г. в ортодоксальной еврейской семье в г. Гомеле и получил обычное в то время в таких семьях воспитание (хедер и т. д.). До 16-ти лет не знал ни слова по-русски, но уже к тому времени был очень начитан в средневековой еврейской философии (хотя, по недостатку общих знаний, мест, касавшихся математики и астрономии, не понимал) и в новейшей просветительски-вольномудрой еврейской литературе: последнего рода произведения я читал тайком от отца и отчасти в прямой борьбе с ним. Кроме талмудических, все свои знания, не исключая русской грамоты и русского языка, приобрел самоучкой, без помощи каких бы то ни было учителей. С русским языком знакомился как с иностранным при помощи русско-еврейского словаря и какой-то книги для чтения, кажется, Паульсона.

С 19 до 27 лет жизни проживал в разных городах и местечках черты оседлости, давая грошовые уроки и пополняя вместе с тем свое образование. В это время ясно обозначилось преобладание во мне философских интересов. В 1897 г., поселившись на время в родном городе, впервые стал принимать участие в подпольных организациях, ведя преимущественно пропагандистскую, а, в сущности, культурно-просветительскую работу, «революционность» которой состояла лишь в том, что кружки были нелегальные, и провал угрожал участникам, а еще более – руководителю немалой карой. Вместе с тем, я организовал кружок молодежи для совместного изучения «Капитала» и руководил их занятиями. Однако, марксистом я тогда не был, моя теоретическая и политическая позиция была во многих отношениях промежуточной между марксизмом и народничеством.

В 1898 г. был там же арестован, но так как против меня не было никакого обвинительного материала, то был месяца через два освобожден и через несколько месяцев, благодаря материальной помощи П. Карповича и надеясь на крохотную субсидию (10 руб. в мес.), обещанную мне Гоцем, которому я был рекомендован одним моим гомельским знакомым, я уехал вместе с Карповичем за границу.

Прожив около года в Берлине и усердно занимаясь в библиотеке (в университет не мог поступить за отсутствием аттестата зрелости, но слушал лекции некоторых профессоров, пользуясь карточкой одного знакомого), я поехал затем в Берн, чтобы поступить там в университет (в Берне принимали в университет и без аттестата зрелости), но вынужден был вернуться в Россию из-за недостатка средств.

Поселившись в Полтаве, я был там арестован в 1901 г. по делу об убийстве Карповичем министра народного просвещения Боголепова и отвезен в Петербург. Основанием ареста служила только моя близость с Карповичем, и потому, продержав меня около семи недель, меня освободили под надзор полиции. Я избрал своим местожительством Полтаву и прожил там до середины 1903 г. За это время ясно определилась моя марксистская, социал-демократическая позиция. Уже в 1902 г. я вместе с В.И. Фроловым составил обстоятельную листовку против террора, которую издал от своего имени «Южный рабочий» (сообщение В. Левицкого в «За четверть века», что в составлении ее участвовали также супруги Левины, неверно). Во время же пребывания в Полтаве поместил несколько статей в «Южном рабочем» о разногласиях между социал-демократами и социалистами-революционерами, вызвавших раздражительный разбор В. Чернова в «Революционной России». Но писание мне давалось с трудом, и я предпочитал пропагандистскую и лекторскую деятельность.

Освободившись из-под надзора в середине 1903 г., я опять поехал в Берлин и там около года занимался углубленным изучением марксизма и Гегеля, читая вместе с тем много публичных лекций в русской колонии и участвуя в социал-демократической организации. Когда меня выслали из Берлина и Пруссии в 1905 г. за выступление на митинге протеста русского студенчества против злостной аттестации последнего, данной рейхсканцлером Бюловым в рейхстаге², я поехал в Женеву и оттуда через несколько месяцев вернулся в Россию с тем, чтобы всецело посвятить себя революционной деятельности.

¹ Архив РАН. Ф. 355. Оп. 3. Д. 39. Л. 41–45.

² Из воспоминаний А.М. Деборина: «В связи с окончанием Второго съезда партии в берлинской колонии русских социал-демократов состоялся доклад о съезде. В самом разгаре доклада нагрянула полиция и закрыла собрание. Через несколько дней каждый из нас получил официальную бумажку,

С сентября 1904 г. до конца 1905 г. жил на положении «профессионального революционера» сначала в Вильно, как член Северо-Западного Комитета, отдавая исключительно борьбу с националистическим уклоном Бунда, за что и получил сопровождавшую меня потом повсюду партийную кличку «бундоед», а затем в Одессе как член Комитета, разъезжая вместе с тем по вызовам ЦК по разным городам в качестве пропагандиста. В декабре 1905 г. был арестован в Одессе (у меня был произведен случайный обыск, были найдены несколько брошюр и уже распространенная прокламация стачечного комитета). После отбытия трехмесячного заключения за хранение нелегальной литературы, я был освобожден, но счел нужным покинуть Одессу.

В октябре 1906 г. я переехал в Петербург и там в течение нескольких месяцев прочел много публичных лекций в разных высших учебных заведениях. Из этих лекций наиболее важными были: «Маркс и Гегель» (основной тезис: между Марксом и Гегелем имеется более тесная и существенная связь, чем та, которую устанавливает Плеханов), оппонентами на которой выступили Луначарский и Базаров (доклад во второй своей половине был заострен против них), и направленный против Богданова «Марксизм и эмпириомонизм». Должен здесь указать, что позднейшая совместная литературная работа с В. Базаровым и П. Юшкевичем отнюдь не означала, что меня связывала с ними идеологическая солидарность. Я всегда был противником махизма и эмпириосимволизма. С ними обоими меня связывал взаимный интеллектуальный интерес, а с П. Юшкевичем также и личная приязнь. Характер нашей совместной работы – переводы авторов разнообразных философских направлений и составление хрестоматий – не требовал единства философских взглядов. В 1907 г. поехал на Лондонский съезд партии, получив заочно мандат от Черниговской организации.

Отойдя к концу 1908 г. от политической деятельности, я с тех пор посвятил себя исключительно научным занятиям. В 1909–1912 гг. мною переведены: Геффдинг «Краткая история новой философии»; Рихтер «Скептицизм в философии» (вместе с Базаровым); Гомперц «Учение о мировоззрении» т. 1-й (вместе с Базаровым); Кассирер «Познание и действительность» (вместе с П. Юшкевичем). В 1912 г. начал составлять – сначала в сотрудничестве с Э. Гурлянд, а затем один – «Философский словарь» для издательства «Брокгауз-Ефрон». Этот словарь, задуманный сначала как переводно-компилятивная работа, принял, начиная с буквы «Г», характер самостоятельного труда, хотя вместе с тем я продолжал помещать в нем значительные по своему содержанию переведенные статьи. Он был доведен к лету 1914 г. до буквы «К». Эта часть работы в 37 печ. листов была уже набрана в листах, но начавшаяся империалистическая война вызвала панику в издательском мире, и издательство «Брокгауз-Ефрон» отказалось от дальнейшего продолжения.

В начале марта 1917 г. я заболел, вскоре обнаружился туберкулез легких в острой форме, и я вынужден был до конца 1918 г. проваляться в санаториях – сначала в Финляндии, а затем в Крыму. В 1919 г. поселился в Харькове и постепенно стал возвращаться к деятельности. К концу 1919 г. я стал работать в качестве консультанта в Губнаробразе. В апреле 1920 г. был избран профессором Харьковского университета по кафедре философии, которую занимал два года. В 1922 г. вышли под моей редакцией и с моим предисловием «Очерки по истории материализма» Плеханова (Харьков: УкрГИЗ ВЦСПС, 1922). Принявший перед тем активную форму туберкулез и предстоявшее упразднение философии как предмета преподавания побудили меня в 1923 г. оставить преподавательскую деятельность.

Я выдвинул перед А.М. Дебориным план издания собрания сочинений Гегеля в Институте Маркса и Энгельса, и с тех пор я, помимо составленных мною совместно с П. Юшкевичем хрестоматийных сборников («История философии в марксистском освещении», 2 тт., изд. «Мир», 1924; «Искусство и литература в марксистском освещении», 3 тт., изд. «Мир», 1925–1927; «История материализма в отрывках из произведений его классических представителей и историков», 2 тт.) занимаюсь этим трудом. Этот труд и составляет основную мою работу в качестве научного сотрудника Института философии Комкадемии, который составлял мою мечту начиная с 1909 г. и которым только Советская власть дала мне возможность заняться.

в которой было сказано, что имярек в качестве «lüstiger Ausländer» (обременительного иностранца) подлежит высылке из пределов Пруссии. Был сделан запрос в рейхстаге, кажется, Бебелем. Ответ держал рейхсканцлер Бюлов, который произнес одну из самых гнусных речей, пересыпанную реакционными выходками и приправленную антисемитскими украшениями, вроде «Verschwörer u Schnoget» (заговорщики и попрошайки) [Воспоминания академика А.М. Деборина, 2009, с. 117].
Примеч. публ.

До сих пор мною переведены: «Энциклопедия», т. 1-й (вышел в 1929 г.); «История философии», тт. 1-й и 2-й (вышли в 1932 г.), и 3-й (печатается); «Философия права» (вышел в 1934 г.); «Эстетика», т. 1-й (сдан издательству; отрывки появились в «Литературном критике», №№ 10 и 11 за 1934 г. и №№ 1 и 2 за 1935, часть «Философии природы» (первые 180 стр. вышли в 1934 г.) и черне большая половина 2-го тома «Эстетики». В 1934 г. приступил к новому переводу «Науки логики», который оказался нужным, так как старый перевод Н. Дебольского, как я показал в своем докладе на производственном совещании Института философии Комкадемии, наряду со свойственными ему многими достоинствами, страдает также и крупными недостатками (помимо всего прочего, он изобилует ошибками: их несколько тысяч). Сейчас заканчиваю перевод первого выпуска (ок. 23-х печ. листов). С 1 сентября 1930 г. мне назначена персональная пенсия.

15 мая 1935 г.

Б. Столлнер

Публикация С.Н. Корсакова

Список литературы

- Архив РАН. Ф. 350. Оп. 3. Д. 171.
 Архив РАН. Ф. 355. Оп. 1. Д. 45.
 Архив РАН. Ф. 355. Оп. 1а. Д. 160.
 Архив РАН. Ф. 355. Оп. 2. Д. 73.
 Архив РАН. Ф. 355. Оп. 2. Д. 244.
 Архив РАН. Ф. 355. Оп. 2. Д. 280.
 Архив РАН. Ф. 355. Оп. 2. Д. 320.
 Архив РАН. Ф. 355. Оп. 3. Д. 25.
 Архив РАН. Ф. 355. Оп. 3. Д. 39.
 Архив РАН. Ф. 358. Оп. 3. Д. 29.
 Архив РАН. Ф. 425. Оп. 1. Д. 1.
 Архив РАН. Ф. 425. Оп. 1. Д. 5.
 Архив РАН. Ф. 425. Оп. 1. Д. 19.
 Архив РАН. Ф. 425. Оп. 2. Д. 221.
 Архив РАН. Ф. 647. Оп. 1. Д. 345.
 Архив РАН. Ф. 1992. Оп. 1. Д. 83.
 Архив РАН. Ф. 1992. Оп. 1. Д. 83.
 Б.Г. Столлнер, 1937 – Б.Г. Столлнер (Некролог) // Под знаменем марксизма. 1937. № 8. С. 208.
 Баммель, 1925 – *Баммель Г.К.* Рец. на кн.: История философии в марксистском освещении: Статьи и отрывки из произведений К. Маркса, Ф. Энгельса, Г.В. Плеханова и др. / Сост. Б.Г. Столлнер и П.С. Юшкевич. М.: Мир, 1924. 436 с. // Печать и революция. 1925. Кн. 1.
 Брушлинский, 1937 – *Брушлинский В.К.* О новом переводе «Науки логики» Гегеля // Под знаменем марксизма. 1937. № 10. С. 183–189.
 Брушлинский, 1938 – *Брушлинский В.К.* О новом переводе «Науки логики» Гегеля // Советская наука. 1938. № 3. С. 173–180.
 Воспоминания академика А.М. Деборина, 2009 – Воспоминания академика А.М. Деборина / Публ. С.Н. Корсакова // Вопр. философии. 2009. № 2. С. 113–133.
 Выготская, Лифанова, 1996 – *Выготская Г.Л., Лифанова Т.М.* Лев Семенович Выготский. Жизнь. Деятельность. Штрихи к портрету. М.: Смысл, 1996. 424 с.
 Гефдинг, 1910 – *Гефдинг Г.* Учебник истории новой философии / Пер. Б.Г. Столлнера. СПб.: Шиповник, 1910. 286 с.
 Гомперц, 1912 – *Гомперц Г.* Учение о мировоззрении. Т. 1 / Пер. В.А. Базарова и Б.Г. Столлнера. СПб.: Шиповник, 1912. 568 с.
 Горев, 1924 – *Горев Б.И.* Рец. на кн.: История философии в марксистском освещении: Статьи и отрывки из произведений К. Маркса, Ф. Энгельса, Г.В. Плеханова и др. / Сост. Б.Г. Столлнер и П.С. Юшкевич. М.: Мир, 1924. 436 с. // Книгоноша. 1924. Вып. 43.
 Горев, 1927 – *Горев Б.И.* Рец. на кн.: История материализма в произведениях его представителей и историков / Сост.: Б.Г. Столлнер и П.С. Юшкевич. М.: Мир, 1927. Ч. 1. 230 с. Ч. 2. 510 с. // Печать и революция. 1927. Кн. 2. С. 166–167.

Записки, 1908а – Записки Санкт-Петербургского религиозно-философского общества. 1908. Вып. I.

Записки, 1908б – Записки Санкт-Петербургского религиозно-философского общества. 1908. Вып. II.

Ивановский, 2011 – *Ивановский В.Н.* Воспоминания / Публ. С.Н. Корсакова // Филос. науки. 2011. № 1. С. 144–149.

Искусство и литература, 1924–1927 – Искусство и литература в марксистском освещении: Статьи и отрывки из произведений К. Маркса, Г.В. Плеханова, А.В. Луначарского и др. / Сост.: Б.Г. Столпнер и П.С. Юшкевич. М.: Мир, 1924–1927. Ч. 1: Общие проблемы. 1924. 462 с.; Ч. 2: 1. Вопросы литературоведения 2. Образцы марксистской критики: (От Гомера до Толстого). 1925. 520 с.; Ч. 3: 1. Образцы марксистской критики (от 1880-х гг. до наших дней). 2. К вопросу о пролетарской литературе. 1927. 512 с.

История материализма, 1927 – История материализма в произведениях его представитель и историков / Сост.: Б.Г. Столпнер и П.С. Юшкевич. М.: Мир, 1927. Ч. 1. 230 с. Ч. 2. 510 с.

История философии, 1924 – История философии в марксистском освещении: Статьи и отрывки из произведений К. Маркса, Ф. Энгельса, Г.В. Плеханова и др. / Сост.: Б.Г. Столпнер и П.С. Юшкевич. М.: Мир, 1924. Ч. 1. 292 с. Ч. 2. 436 с.

История философии, 1925 – История философии в марксистском освещении: Ст. и отрывки из произведений К. Маркса, Ф. Энгельса, Г.В. Плеханова и др. / Сост.: Б.Г. Столпнер и П.С. Юшкевич. 2-е изд., просмотр. и доп. М.: Мир, 1925. 324 с.

Кассирер, 1912 – *Кассирер Э.* Познание и действительность: Понятие о субстанции и понятие о функции / Пер. Б.Г. Столпнера и П.С. Юшкевича. СПб.: Шиповник, 1912. 454 с.

Кацис, 1999 – *Кацис Л.* Б.Г. Столпнер о еврействе // Исследования по истории русской мысли. Ежегодник. 1999. М.: ОГИ, 1999. С. 259–330.

Луппол, 1924а – *Луппол И.К.* Рец. на кн.: История философии в марксистском освещении: Статьи и отрывки из произведений К. Маркса, Ф. Энгельса, Г.В. Плеханова и др. / Сост.: Б.Г. Столпнер и П.С. Юшкевич. М.: Мир, 1924. Ч. 1. 292 с. // Под знаменем марксизма. 1924. № 4–5. С. 286–288.

Луппол, 1924б – *Луппол И.К.* Рец. на кн.: История философии в марксистском освещении: Статьи и отрывки из произведений К. Маркса, Ф. Энгельса, Г.В. Плеханова и др. / Сост.: Б.Г. Столпнер и П.С. Юшкевич. М.: Мир, 1924. Ч. 2. 436 с. // Под знаменем марксизма. 1924. № 10–11. С. 234–235.

Луппол, 1926 – *Луппол И.К.* Рец. на кн.: История материализма в произведениях его представителей и историков / Сост. Б.Г.: Столпнер и П.С. Юшкевич. М.: Мир, 1927. Ч. 1. 230 с. Ч. 2. 510 с. // Под знаменем марксизма. 1926. № 12. С. 215–218.

Рец. на кн.: История философии в марксистском освещении: Статьи и отрывки из произведений К. Маркса, Ф. Энгельса, Г.В. Плеханова и др. / Сост. Б.Г.: Столпнер и П.С. Юшкевич. М.: Мир, 1924. Ч. 1. 292 с. М.: Мир, 1927. Ч. 2. 436 с. // Летописи марксизма. 1927. Кн. IV. С. 108.

Рихтер, 1910 – *Рихтер Р.* Скептицизм в философии. Т. 1 / Пер. В.А. Базарова и Б.Г. Столпнера. СПб.: Шиповник, 1910. 392 с.

Столпнер, 1925 – *Столпнер Б.Г.* Выступление в прениях по докладу В.М. Фриче «Фрейдизм и искусство» // Вестн. Ком. акад. 1925. Кн. 12. С. 257–259.

Столпнер, 1922 – *Столпнер Б.Г.* Предисловие редактора // *Плеханов Г.В.* Очерки по истории материализма. Харьков: Изд. Всесоюзн. центр. союза потреб. обществ, 1922. С. III–XXIV.

Столпнер, 1917 – *Столпнер Б.Г.* Рец. на кн.: История еврейского народа. Т. 1. М.: Мир, 1914. 509 с. // Летопись. 1917. № 1. С. 300–303.

Тер-Ваганян, 1923 – *Тер-Ваганян В.А.* Рец. на кн.: Плеханов Г.В. Очерки по истории материализма / Под ред. и с пред. Б.Г. Столпнера. Харьков: Изд. Всесоюзн. центр. союза потреб. обществ, 1922 // Под знаменем марксизма. 1923. № 1. С. 214–218.

Фёдоров-Давыдов, 1925 – *Фёдоров-Давыдов.* Рец. на кн.: Искусство и литература в марксистском освещении: Статьи и отрывки из произведений К. Маркса, Г.В. Плеханова, А.В. Луначарского и др. / Сост.: Б.Г. Столпнер и П.С. Юшкевич. Ч. 1: Общие проблемы. М.: Мир, 1924. 462 с. // Печать и революция. 1925. Кн. 3.

Boris Grigoryevich Stolpner (for Archival Materials)*Sergey Korsakov*

DSc in Philosophy, Assoc. Prof., Leading Researcher. Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences. 12/1 Goncharnaya Str., Moscow, 109240, Russian Federation; e-mail: snkorsakov@yandex.ru

B.G. Stolpner translated most of Hegel's writings into Russian language. His translations are republished again and again. Therefore he is relevant today as a philosophical writer. However, there still has been little research of his life and work. Work in several archives helped to assemble a "mosaics", which allows to trace the life, character, and beliefs of B.G. Stolpner in more detail than before. Basing the article on archival documents, the author tells about the life and writings of B.G. Stolpner, about his cooperation with Russian machists, his work at the Institute of philosophy after the revolution, and presents the contents of his speeches in various philosophical discussions. Appended is the never before published autobiography of B.G. Stolpner. Hopefully, this work will provide for a more accurate determination of B.G. Stolpner's place in the philosophical process in Russia.

Keywords: B.G. Stolpner, machism, G.W.F. Hegel, Soviet philosophy, Institute of philosophy

References

- Arhiv RAN. F. 350. Op. 3. D. 171.
 Arhiv RAN. F. 355. Op. 1. D. 45.
 Arhiv RAN. F. 355. Op. 1a. D. 160.
 Arhiv RAN. F. 355. Op. 2. D. 73.
 Arhiv RAN. F. 355. Op. 2. D. 244.
 Arhiv RAN. F. 355. Op. 2. D. 280.
 Arhiv RAN. F. 355. Op. 2. D. 320.
 Arhiv RAN. F. 355. Op. 3. D. 25.
 Arhiv RAN. F. 355. Op. 3. D. 39.
 Arhiv RAN. F. 358. Op. 3. D. 29.
 Arhiv RAN. F. 425. Op. 1. D. 1.
 Arhiv RAN. F. 425. Op. 1. D. 5.
 Arhiv RAN. F. 425. Op. 1. D. 19.
 Arhiv RAN. F. 425. Op. 2. D. 221.
 Arhiv RAN. F. 647. Op. 1. D. 345.
 Arhiv RAN. F. 1992. Op. 1. D. 83.
 Bammel, G.K. Rez. na kn.: *Istoriya filosofii v marksistskom osveshchenii*. M.: Mir, 1924. 436 p. [Book Review: History of Philosophy in Marxist Light], *Pechat' i revolyutsiya*, 1925, no. 1. (In Russian)
 B.G. Stolpner (Nekrolog) [B.S. Stolpner (Obituary)], *Pod znamenem marksizma*, 1937, no. 8, p. 208. (In Russian)
 Brushlinskii, V.K. O novom perevode "Nauki logiki" Gegelya [About the New Translation of the Hegel's "Science of Logic"], *Pod znamenem marksizma*, 1937, no. 10, pp. 183–189. (In Russian)
 Brushlinskii, V.K. O novom perevode "Nauki logiki" Gegelya [About the New Translation of the Hegel's "Science of Logic"], *Sovetskaya nauka*, no. 3, pp. 173–180. (In Russian)
 Fedorov-Davydov. Rez. na kn.: *Iskusstvo i literatura v marksistskom osveshchenii* [Book Review: Art and Literature in a Marxist Light], M.: Mir, 1924–1927. Ch. 1. 462 p. Ch. 2. 520 p. Ch. 3. 512 p., *Pechat' i revolyutsiya*, 1925, no. 3. (In Russian)
 Hoffding, H. *Uchebnik istorii novoy filosofii* [A Textbook History of New Philosophy]. St.Petersburg: Shipovnik Publ., 1910. 286 p. (In Russian)
 Gomperz, G. *Uchenie o mirovozzrenii* [The Doctrine of Worldview]. St.-Petersburg: Shipovnik Publ., 1912. 568 p. (In Russian)
 Gorev, B.I. Rez. na kn.: *Istoriya materializma v rabotah ego predstaviteley i istorikov* [Book Review: The History of Materialism in the Works of its Representatives and Historians]. M.: Mir, 1927. Ch. 1. 230 p. Ch. 2. 510 p., *Pechat i revolyutsiya*, 1927, no. 2, pp. 166–167. (In Russian)

Gorev, B.I. Rez. na kn.: Istoriya filosofii v marksistskom osveshchenii. M.: Mir, 1924. 436 pp. [Book Review: History of Philosophy in Marxist Light], *Knigonosha*, 1924, no. 43. (In Russian)

Iskusstvo i literatura v marksistskom osveshchenii [Art and Literature in a Marxist Light]. Moscow: Mir Publ., 1924–1927. Ch. 1. 462 p. Ch. 2. 520 p. Ch. 3. 512 p. (In Russian)

Istoriya filosofii v marksistskom osveshchenii [History of Philosophy in a Marxist Light]. Moscow: Mir Publ., 1924. Ch. 1. 292 p. Ch. 2. 436 p. (In Russian)

Istoriya filosofii v marksistskom osveshchenii [History of Philosophy in a Marxist Light]. Moscow: Mir Publ., 1925. 436 p. (In Russian)

Istoriya materializma v rabotakh ego predstaviteley i istorikov [The History of Materialism in the Works of its Representatives and Historians], vol. 1. Moscow: Mir Publ., 1927. 230 p. (In Russian)

Ivanovskiy, V.N. Vospominaniya [The Memoirs], *Filosofskie nauki*, 2011, no. 1, pp. 144–149. (In Russian)

Kassirer, E. *Poznanie i deistvitel'nost'* [Cognition and Reality], St.Petersburg: Shipovnik Publ., 1912. 454 p. (In Russian)

Kazis, L.B. Stolpner o evreistve [Stolpner on the Jewry], *Issledovaniya po istorii russkoy mysli*. Moscow: OGI Publ., 1999, pp. 259–330. (In Russian)

Luppol, I.K. Rez. na kn.: Istoriya filosofii v marksistskom osveshchenii [Book Review: History of Philosophy in Marxist Light]. M.: Mir, 1924, Ch. 1. 292 p., *Pod znamenem marksizma*, 1924, no. 4–5, pp. 286–288. (In Russian)

Luppol, I.K. Rez. na kn.: Istoriya filosofii v marksistskom osveshchenii [Book Review: History of Philosophy in Marxist Light]. M.: Mir, 1924, Ch. 2. 436 p., *Pod znamenem marksizma*, 1924, no. 10–11, pp. 234–235. (In Russian)

Luppol, I.K. Rez. na kn.: *Istoriya materializma v rabotakh ego predstaviteley i istorikov* [Book Review: The History of Materialism in the Works of its Representatives and Historians]. M.: Mir, 1927. Ch. 1. 230 p. Ch. 2. 510 p., *Pod znamenem marksizma*, 1926, no. 12, pp. 215–218. (In Russian)

Rez. na kn.: Istoriya filosofii v marksistskom osveshchenii [Book Review: History of Philosophy in Marxist Light], M.: Mir, 1924. Ch. 1. 292 p. Ch. 2. 436 p., *Letopisi marksizma*, 1927, no. 4, p. 108. (In Russian)

Rihter, R. *Skeptitsizm v filosofii* [Skepticism in Philosophy]. St.Petersburg: Shipovnik Publ., 1910. 392 p. (In Russian)

Stolpner, B.G. Predislovie redaktora. In: Plehanov G.V. *Ocherki po istorii materializma* [Essays on the History of Materialism]. Harkov, 1922, pp. III–XXIV. (In Russian)

Stolpner, B.G. Rez. na kn.: Istoriya evreiskogo naroda [Book Review: History of the Jewish people]. Vol. 1. M., 1914, *Letopis*, 1917, no. 1, pp. 300–303. (In Russian)

Stolpner, B.G. Vustuplenie v preniyakh po dokladu V.M. Friche [Speech in the Debate on the Report of V.M. Friche], *Vestnik Kommunisticheskoy akademii*, 1925, no. 12, pp. 257–259. (In Russian)

Ter-Vaganyan, V.A. Rez. na kn.: Plekhanov G.V. *Ocherki po istorii materializma* [Book Review: Plekhanov G.V. Essays on the History of Materialism], Harkov, 1922, *Pod znamenem marksizma*, 1923, no. 1, pp. 214–218. (In Russian)

Vospominaniya akademika A.M. Deborina [The Memoirs of Academician A.M. Deborin], *Voprosy filosofii*, 2009, no. 2, pp. 113–133. (In Russian)

Vugotskaya, G.L., Lifanova, T.M. *Lev Semenovich Vygotskiy*. Moscow: Smusl Publ., 1996. 424 p. (In Russian)

Zapiski Sankt-Peterburgskogo religiozno-filosofskogo obschestva [Notes of Saint-Petersburg Religious-Philosophical Society], 1908, no. I. (In Russian)

Zapiski Sankt-Peterburgskogo religiozno-filosofskogo obschestva [Notes of Saint-Petersburg Religious-Philosophical Society], 1908, no. II. (In Russian)